

"Сколько мог припомнить для незабвенной памяти любителей старины на будущее время"

Сто сорок лет тому назад кузнецкий мещанин купец третьей гильдии, в 1826-28 годы занимавший должность главы городской Думы, а в 1844-46 годах бывший городским судьей, к 1867 году уже 75-летний человек преклонных лет Иван Семенович Конюхов "учинил" "Памятную историческую записку, или летопись, о городе Кузнецке с начала его основания и о некоторых событиях, и о прочем..."

"Охотник до старины", не имевший "при сочинении сей записки" под руками никаких документов ("актов"), и писавший "оную частью по изустным преданиям", услышанным от пожилых людей, "частью из имеющихся у меня собственных записок", вел свою "Кузнецкую летопись" в течение 15 лет до своей смерти в 1881 году, непрерывно дополняя ее, что-то вписывая на поля, вклеивая в страницы. "Писал же я как человек неученый весьма простым слогом, по своему разумению, не соблюдая ни в чем никакого порядка, и кому доведется читать сию записку, прошу меня во погрешностях простить..." Мы, потомки, не только простили Ивану Семеновичу, грамотой владевшему неважно и писавшему "по выговору", его ошибки, но считаем, что его летопись - один из самых ценных источников по бытовой и просто истории Кузнецка.

Разумеется, важен ответ на вопрос: отчего 75-летнему Ивану Конюхову нужно было учинять свои летопись? Ну, во-первых, как им самим сказано, он был "охотник до старины". А: "Первоначально Кузнецкий острог был основан на левом берегу Томи, на устье реки Кондомы и были окопы вверх по ручью, повыше нынешней крепости, а потом уже основан на нынешнем месте. А в 1617 году ставили его при князе Куракине. Из сего видно, что в нынешнем 1867 году с основания нашего города исполнилось 250 лет". То есть толчком к написанию летописи стал юбилей города.

Вполне возможно, что Иван Семенович был "в курсе" столетнего юбилея Кузнецка, праздновавшегося в 1717 году очень торжественно и при "участии" самого Петра I, повелевшего воздвигнуть к празднику города трехметровый деревянный крест на том месте, где планировалось возвести храм "во имя мирного града Кузнецка". В Новокузнецком краеведческом музее можно было видеть фрагменты этого креста. Вполне вероятно мы увидим их в модернизированной к юбилею музея экспозиции. Но вернемся к летописи. В 1877 году, как известно, копия "Памятной исторической записки" дважды была представляема Иваном Семеновичем Конюховым в Городовую Думу (последний раз 31 октября) для приобщения летописи к официальной

городской, но дважды она была отклонена, возможно, как раз по той причине, по какой историки называют его записки документом "бытовой истории города". То есть быт у них по-прежнему живет в одном месте, а официальная часть - в другом. Не пересекаясь. Хотя для истории равно важно знание имен городских воевод (впрочем, что, кроме самих имен, оно дает?) и описанного Конюховым случая по празднованию 50-летия служения в духовном сане Павла Стабникова: "И троекратно было мордобитие подпоручика Капустина и торговца Лоншакова, а в конце попы рыгали по углам, а затем один у другого сосали бороды". Равно важно, повторяю, но последнее - живее и куда больше говорит о людях и нравах. Ибо остается только это: время стирает в тлен звания и функции, оставляя только человеческое. Именно поэтому время совершенно парадоксальным образом подняло "Летопись" Ивана Конюхова, которое было забыто на долгие годы. До 1966 года, когда в "Кузнецком рабочем" появилась статья потомственного кузнечанина и страстного краеведа Антона Ивановича Полосухина, который говорил о рукописи, хранившейся в научной библиотеке Томского университета (она хранится там до сих пор): "Хотелось бы сделать этот документ достоянием широкого круга любителей старины". Увы, из чиновников ни от власти, ни от культуры, как это водится у нас, призыва никто не заметил. Кроме писателя и журналиста (сначала наоборот) Мэри Кушниковой, которой в 1978 году удалось с рукописью ознакомиться, о чем был сделан отчет в главной партийной газете области "Кузбасс". Поскольку в Томском университете с порога отмели любую попытку сфотографировать рукопись, да и это вряд ли было возможно - так выцвели чернила, Мэри Кушникова практически полностью переписала все 70 страниц "Летописи" (теперь с большой буквы, поскольку это стало уже названием документа) от руки. Однако яркие публикации Мэри Кушниковой и Вячеслава Тогулева о рукописи Ивана Колнюхова очень долго не давали результатов, коими должна была быть их публикация. Только в 1990 году рукопись была скопирована полностью и обработана текстологически. И, наконец, в 1995 году по заказу администрации Новокузнецка под общей редакцией кандидата исторических наук Юрия Ширина и с предисловием Мэри Кушниковой и Вячеслава Тогулева она была выпущена издательством "Кузнецкая крепость" (директор Борис Рахманов) хорошим тиражом в 5 тысяч экземпляров (хотя, наверное, сегодня "Летопись" можно было бы и переиздать). В "Летописи" Ивана Семеновича Конюхова тридцать три главы: "О первоначальном основании города" (кусочек из нее мы уже процитировали), "О военных нападениях", "О чудесах святого пророка Ильи", "О крепости Кузнецкой",

"О названии некоторых мест", "О первоначальных градских обывателях", "О городском управлении", "О балаганах", "О городском саду", "О платье и роскоши", "О питейных домах", "О побуждении к крещению Сарыбаша Куртегешова", "О городничих", "О громовых ударах", "О ярмонке", "О разделении города на части" и так далее - берем наугад. Впрочем, и сам Иван Конюхов писал без особенного плана: "Еще и те погрешности, что заднее написано впереди". О многом Иван Семенович пишет как очевидец: "До построения крепости город обнесен был земляным валом с рогатками, начиная на горе Вознесенской от реки, от самого Крутого камня вокруг всего города... за крепостью был мост... и были три деревянные башни... Об этом я слышал от стариков, а большую часть рогаток и две последние башни сам хорошо помню..." И то, что записано с уст старожил (имеются в виду "имеющиеся собственные записки", которые, очевидно, сделаны были задолго до начала "Летописи", ибо к ее написанию сам Конюхов был в почтенном возрасте), и то, что он видел и помнил, представляет из себя совершенно уникальный материал. Особенно по части городских нравов, как уже было сказано. От него узнаем, когда в Кузнецке появились первые балконы: "Балконы при домах первым сделал купец Петр Баранов при своем каменном доме в 1852 году. Второй купец Алексей Бехтенев - при деревянном доме в 1866 году, и на оном доме мезонин первый еще в Кузнецке". Он сообщает об открытии разного рода учреждений: "В Кузнецком округе открыты первые золотые промыслы в 1838 году... В 1826 году открыто в Кузнецке народное училище, переведенное из Туринска", имена горожан славных и не очень: "Учителем первым был Михаил Гаврилович Лукин и дьякон соборной церкви Семен Яковлевич Хмылев". Он сообщает в главе "О балаганах" сведения о городской коммерции: "Первую палатку холщовую с пряниками открыл российский (то есть не сибирский. - В.Н.) именем Федосей, в 1843 году, а после начали открывать другие такие же палатки и с пряниками столы; в 1847 году начали строить подвижные балаганы для мелочной торговли..." Крайне любопытна, к примеру, глава "О переменах реки", проливающая свет на своеобразие Томи: "О перемене течения реки: на моих памятях в начале 1800 года река Томь имела течение близ острова, называемого Топольником, в котором острове был черемушник и смородинник; я, будучи в ребячестве, брал в оном ягоды черемухи, смородины и боярки, пониже острова и пониже города прямо у ручья была чрез всю реку каменная осыпь и чрез нее всегда ходили большие валы с белью, называемые Бойсцы. Такой производили шум, что на берегу едва можно было слышать громкий разговор, на которых я Бойсцах тонул, будучи от роду лет около 18 и

едва Бог спас от смерти. А близ городу текла протока, называемая Иванцевой, что во все лето не пересыхала, почему в сенокос в самую малую воду в мелких местах бродили чрез оную в колена, и жители воду все лето брали из оной протоки, равно и зимой поили скот и на пищу брали воду, впоследствии же времени река Томь начала от острова удаляться, зарешнева берегу много смыло, протоку возле города начало засыпать, а Бойсцы ниже города вовсе засыпало. Ныне даже и знаку оных нет, и на низ отошла большая коса, на котором месте прежде было самое русло реки, а на городской стороне, позад нынешней с мосту большой улицы, была еще береговая улица и через оную на берег были скотские дворы и амбары, а ныне вся та улица уже смыта". И уж абсолютно шикарна главка "О платье и роскоши", обнаруживающая, что Иван Семенович был купцом не промах, знавший что почем: "На моих памятях с 1800 года некоторые зажиточные люди, немногие мужчины носили сюртуки, женщины юбки и длинные шушуны, а простой народ мужчины носили халаты и зипуны, на ногах ичиги и черки, сапогов не носили. Немногие женского пола носили шушуны и юбки повседневно больше холщовые, печатны или крашены в сандале, а на ногах черки с опушнями. С 1810 или 1815 годов начали уже платье носить получше и пощеголеватее, как мужчины, так и женщины. Около 1810 года по какому-то делу переселен был из Иркутска в Кузнецк из купцов Григорий Лысов. На нем на первом увидали мы енотову шубу и на втором на полковнике и коменданте Шепелеве, приехавшем в Кузнецк около 1820 года. А еще около 1803 года, когда я был в ребячестве, впервые увидел на проехавшем поручике в городовую команду Сорокине капот с долгим воротником, бегали за ним, смотрели на воротник, называя его женский шушун.

От родителей своих я слышал, что прежде в Кузнецке чай только имели в двух лучших домах у чиновников Годлевского Дмитрия Леонтьевича, деда ныне живущего здесь г-на генерала Годлевского, и у другого чиновника же, Мельникова, которые имели у себя крепостных дворовых людей, да и те чаи употребляли не всегда, а всегда употребляли траву, называемую белоголовником. Самовары появились уже на моих памятях после 1800 годов у немногих, чай начал вводиться постепенно, воду для оног грели в черных медных чайниках на огне, раскладенном на шестке у печки на таганах. Купец Иван Полусухин по заказу поверенного Мельникова привез из Ирбитской ярмонки осминной штоф рому, за который заплачено было 10 руб., некоторые знавшие сие удивлялись такой роскоши...И на моей памяти в городе Кузнецке много учинилось перемен, как в домашней житейской экономии умножалась

роскошь и сластолюбие, так и в платье излишество и щегольство, особенно в женском поле..." Словом, сто сорок лет назад была учинена книга удивительная и все еще ждущая своего жадного читателя. "Мера всему - человек, - как писала по поводу "Летописи" Конюхова Мэри Кушникова. - Его живой взор, живая душа, живое сердце". Бесспорно!